

Феномен неофитства в трудах К. С. Льюиса

Неофитство - это такое младенческое состояние, когда человек только входит в Церковь. В этом начальном периоде церковной жизни неофитство вполне законно и терпимо как болезни роста и детское восприятие мира у малышей, растущих и воспитывающихся. Апостол Павел пишет: «Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое» (1Кор. 13,11). Так вот, неофитство есть именно «младенчество».

В неофитстве есть, безусловно, положительный импульс. Неофит - человек, который познал если не Бога, то хотя бы то, что Он есть, и действует через Церковь. Следствием этого является горячая вера, ревность по вере, максимализм. Сами по себе эти качества замечательные - но в неофитстве они младенческие, они нуждаются в развитии, осмыслении, обогащении, корректировке, - окультуривании, на что и должен быть направлен труд неофита и его духовника; если же нет этого взросления, человек «застревает».

К. С. Льюис, англиканин по вероисповеданию, пользуется успехом у воцерковляющихся православных людей, особенно у молодежи. Причина этому заключается в том, что Льюис обращается преимущественно к разуму. Неофитам это легче понять. Бывает, человек вроде и уверовал во Христа, но не слишком горит верой. То есть разумом он все принимает, более того - испытывает своего рода интеллектуальный восторг, восхищается мудростью христианского учения - но на его реальной жизни это не слишком сказывается. Такие люди могут совершенно искренне увлечься книгами Льюиса.

Иногда приходится слышать, что православным не стоит увлекаться иностранными авторами - от этого, в частности, предостерегал святитель Игнатий (Брянчанинов). Действительно, основания для таких высказываний у святителя Игнатия были. В его время, во второй половине XIX века, среди российской интеллигенции было в моде католичество, причем крайне

непримиримого толка, враждебное и Православию, и русской культуре. Сейчас такого, по словам самих католиков, значительно меньше, да и культурные реалии сегодня совсем другие. Возможно, святитель Игнатий сталкивался именно крайним изводом католичества.

Разумеется, есть громадная разница между православной и католической мистикой, разница в догматике, в аскетике... Но вряд ли неопит способен постичь эти сложнейшие вещи. А когда речь идет об основных категориях, нет беды в том, чтобы читать произведения любого христианского автора.

Сегодня слова святителя Игнатия не нужно воспринимать буквально, и уж тем более использовать их как «дубину». Это - крайняя, начетническая позиция. К тому же его письма были адресованы конкретным людям, со своими духовными особенностями, которым из пастырских соображений, по-видимому, нужно было сказать именно это.

Митрополиту Антонию Сурожскому книги Льюиса очень нравились. Их высоко оценивал епископ Каллист (Уэр), их любят многие православные священники. Поэтому не стоит оценивать эти книги как «душевредные».

Но все ли равноценно в апологетике Льюиса? Какова богословская оценка его произведений? Наталья Трауберг, крупнейшим специалист по творчеству Клайва Льюиса и первый переводчик его книг на русский язык, отвечает на этот вопрос так: «Богослов из Льюиса никакой. У него есть большая книга «Просто христианство», где он пытается объяснить новоначальным сложнейшие понятия. Конечно, чтобы дать этим попыткам квалифицированную оценку, нужен профессиональный богослов, но я уверена, что любому образованному православному или католику «Просто христианство» не понравится. Ведь «Просто христианство» – это вообще не богословский труд, а крайне упрощенная проекция христианского вероучения. Причем, часто упрощенная до неверности»¹.

Но это не значит, что невозможно провести параллели между произведениями К. С. Льюиса и православным аскетическим богословием.

¹ Трауберг Н. Открывающий радость.// Отрок.№4. М., 2005. С.14

Далее будут рассмотрены преимущественно художественные произведения автора, и мы увидим сходство, не буквальное конечно, но идейное, что подтвердит их ценность для православного неопита.

Большинство людей знают Льюиса по «Хроникам Нарнии» и «Письмам Баламута».

О «Письмах Баламута» замечательно сказал митрополит Антоний Сурожский: «Привлекательность их в том, что простейшие истины христианской аскетики рассказаны там с «обратной стороны», поданы от лица старого опытного беса-искусителя, который дает своему юному племяннику советы, как эффективнее искушать людей. Неожиданный взгляд, нестандартная подача всегда запоминаются сильнее. Там очень тонко разобраны обычные искушения простого человека. Ведь часто люди, обратившись в христианство, уверены, что отныне с ними всегда все будет в порядке, и у них нет искушений страшнее, чем не вовремя съесть майонез. И замечательно, если, читая «Письма Баламута», они понимают: это сказано о них, они сами постоянно попадают на те же крючки, что и герой книги, молодой англичанин, искушаемый бесенком»².

Вот чем ценна эта книга. На примере подобного себе новоначального христианина, неопит познает все то, с чем часто сталкивается сам, ту духовную борьбу, которая всегда бывает в начале пути.

Что касается «Хроник Нарнии», то они очень красивы. Кроме того, в мировой литературе не так уж много детских сказок, в которых захватывающий сюжет служит раскрытию христианских истин. В советское время о таких произведениях не знали, а потребность в них накапливалась, поэтому, когда были изданы «Хроники Нарнии», они тут же оказались востребованными.

Но в чем особенность «Хроник Нарнии»? Если мы внимательно прочитаем в эту сказку, то заметим, что она не только полезна для неопитов,

² Антоний (Блум), митр. Беседы. М., 2000. С 245

но и повествует о неофитах, об обращенных ко Христу, в лице героев сказки, ставших друзьями Великого Льва Аслана.

Сам К. С. Льюис (как и его соотечественники и современники Честертон и Толкиен) писал для людей, которые имели возможность изучать «Закон Божий» в школе. С одной стороны, это знакомство с сюжетами священной истории, которые раскрывались на языке «Хроник», позволяло им узнавать с полуслова аллюзии и намеки. С другой, школьное знакомство с Библией слишком часто потворствовало укреплению худшего вида неверия - то есть той сухой и рассудочной полуверы, которая тем надежнее заслоняет совесть от укоров Евангелия, чем тверже вызубрила библейские тексты.

Понятно, что слишком навязчиво в таком случае проповедовать нельзя и надо искать возможность свидетельствовать об Истине, никоим образом не вызывая в памяти интонации школьной законоучительницы. И вот, чтобы английскую консервативность обратить не к консерватизму греха, а консерватизму евангельских ценностей, Честертон пишет детективы об отце Брауне, а Толкиен - истории о хоббитах. Льюис пишет с той же целью сказки о Нарнии, в которой на каждом шагу читатель неожиданно встречает то, чего никак встретить не ожидал - намеки не на вчерашнюю парламентскую сплетню, а на те сенсационные события, которые, казалось бы, безнадежно устарели и давно стали никому не интересны (по той причине, что произошли они не в Лондоне, а в Палестине, и даже не позавчера, а немало веков тому назад).

К. С. Льюис делает большой шаг вперед: он представляет Христа в образе льва и переносит его в другой мир. Более того, он никогда не говорит, что Аслан - это Христос. Благодаря этой полностью эстетической дистанции Льюис может свободно говорить о деяниях Христа начиная от Его воплощения, через смерть и Воскресение к Судному Дню в полном соответствии с истиной откровения, и благодаря этому истина сияет через образ. Но не стоит думать, что лев Аслан - это икона Христа; это не тот образ, которому мы должны воздавать почитание, и не Евангелие, которое

читают на Богослужениях. Однако в своей притче Льюис подготавливает возможность встречи с воплощенным Словом, а также дает понимание о Его присутствии в этом мире, которое есть и будет всегда. Это понимание крайне необходимо неопиту, чтобы не заблудиться в ложных представлениях о Боге.

Хотелось бы подтвердить все прежде сказанное словами из пятой книги «Хроник». Двое детей из нашего мира, Эдмунд и Люси в отчаянных поисках приплыли на край мира Нарнии. Там произошла такая встреча: «... между ними и кусочком неба в зеленой траве лежало что-то такое ослепительно белое, что даже своими ясными глазами они едва могли взглянуть на него. Они подошли ближе и увидели Ягненка.

- Давайте позавтракаем - сказал Ягненок тихо и приветливо.

И тогда дети заметили в траве огонь, на котором жарилась рыба. Голодные, они принялись за еду, так как не ели уже несколько дней. Вряд ли когда-либо еще они пробовали такой вкусной еды.

- Пожалуйста, Ягненок, - сказала Люси, - скажи нам, здесь ли находится путь в царство Аслана?

- Здесь, но не для вас, - ответил Ягненок. - Для вас вход в царство Аслана находится в вашем мире.

- Как! - воскликнул Эдмунд. - Из нашего мира тоже есть дорога в царство Аслана?

- В мое царство есть пути изо всех миров, - сказал Ягненок; он говорил, становясь из ослепительно белого огненно-рыжим, стал больше ростом, и тут дети увидели перед собой Аслана, который возвышался над ними, от его гривы исходило сияние.

- Аслан, - попросила Люси, - расскажи нам, как мы сможем попасть в твое царство из нашего мира?

- Я буду рассказывать вам об этом всегда, - сказал Аслан...

- Ты, ты там тоже есть?, - спросил Эдмунд.

- Есть, - ответил Аслан. - Но там меня зовут по-другому. И вам нужно запомнить то, другое мое имя. Это самое главное, из-за чего вы оказались в

Нарнии, потому что, познакомившись со мной здесь, там вы сможете еще лучше узнать меня»³.

Таким, показанный Льюисом в образе Льва и Агнца, перед нами предстает Христос.

Евангельская основа «Хроник Нарнии» очевидна. Очевидно и идейное сходство психологии неопита (под неопитами подразумеваются дети, которые стали друзьями Аслана) с позицией православной аскетики. В «Хрониках» можно встретить и прямую полемику с атеизмом, чьи аргументы очень похоже излагает Колдунья одурманенным детям в Подземье («Серебряное кресло»). А можно найти весьма прозрачную притчу о покаянии (Аслан, сдирающий драконьи шкуры с Юстеса в «Повелителе зари»). «Плохому мальчику» Юстесу кажется, что он случайно, бессмысленно, чуть ли не назло заброшен в мир Нарнии. И лишь через скорбь, покаяние и первые попытки заботы о других приходит к нему понимание того, что не он обречен на жизнь, а жизнь дарована ему. Понимание того, что, по законам Нарнии, в одиночку можно лишь умереть, но выжить можно лишь сообща. В повести «Конь и его мальчик» есть замечательное разъяснение того, как познаются тайны Промысла. Девочка (в счастливом эпилоге) хочет узнать, что за судьба у ее знакомой. «Я рассказываю каждому только его историю»⁴, – слышит она от Аслана ответ, охлаждающий любопытство.

«Не делайте вид, - говорит дьякон Андрей Кураев - что это только сказка. Не скрывайте от себя и от детей Евангельской основы и атмосферы этих сказок. И уже совсем печально было бы, если б детям стали пояснять эту связь в таком духе, что, мол одна, более древняя сказка легла в основу другой. И Льюис придумывал свои сказки, так же когда-то это делал Матфей, а до него - Моисей... И Лев - это всего лишь увеличенная воображением

³ Льюис К. С. Хроники Нарнии. М., 2005. С. 537

⁴ Там же. С. 165

кошка, а Солнце - спроецированная на небосвод лампочка. И нет мира, кроме Подземья. И нет Пасхи. И не было Рождества»⁵.

«Хроники Нарнии», конечно, не катехизис. Они были написаны для людей, изучавших (или изучающих) катехизис в школе. Поэтому отнюдь не все принципы христианства нашли свое иносказание в этих сказках.

В сказке нет явного присутствия только двух евангельских тайн: Троицы и Евхаристии. В этом сказался замечательный такт Льюиса. Тайну Троицы внятно объяснить более чем непросто. Есть только два намека: однажды Аслан называется «Сыном заморского императора»⁶. А другой раз («Конь и его мальчик») Аслан считает необходимым подтвердить свою единосущность тому миру, который он пришел спасать: как и воскресший Христос в Евангелии, Аслан уверяет говорящих животных Нарнии, что он не призрак: «Потрогай меня, понюхай, я, как и ты – животное»⁷.

Отсутствие чуда Евхаристии - главного чуда Евангелия - тоже понятно. В мире Нарнии, где и так слишком много чудес, церковные таинства (и важнейшее среди них – чудо Причастия Богу) выглядели бы слишком обыденно, неизбежно редуцировавшись до ритуальной магии.

«Хроники Нарнии» – не катехизис, но замечательная повесть для неопита, раскрывающая не систематическое учение Церкви, а любовь Бога к человеку. Именно понимание этого является первоначальной основой в жизни христианина. Именно это – самое важное, что должен понять неопит, видя самого себя, как одного из героев «Хроник Нарнии».

Стоит сказать пару слов об автобиографическом произведении К. С. Льюиса «Настигнут Радостью», где автор описывает свой нелегкий путь к христианству. Эта книга более актуальна для атеистов чем для неопитов, но последним эта книга не менее полезна. В ней раскрывается тема, которая часто встречается в трудах К. С. Льюиса – тема Радости. Той Радости, которая переполняет сердце человека, когда он обретает Христа.

⁵ Кураев А. Школьное богословие. М., 2000. С. 207

⁶ Льюис К. С. Хроники Нарнии. М., 2005. С. 409

⁷ Там же. С. 176

Радость встречи с Богом

Встреча со Христом – это не просто обретение идеала, это не просто установление жизненного пути, а необыкновенная радость, которую никакими земными средствами невозможно постичь.

Тема «Радости» - одна из основных тем творчества К. С. Льюиса. Она - не плод человеческих поисков и не следствие углубления в искусство, а чувство, которое настигает человека, при встрече с Богом.

Митрополит Антоний Сурожский так говорит об этой встрече: «Бывают также в жизни каждого из нас мгновения, которые мы можем назвать встречами. Апостол Павел на пути в Дамаск, куда он шел гонителем христиан, вдруг оказался лицом к лицу со Спасителем Христом. Свет этой встречи был таков, что Павел ослеп; ослепительный свет остановил его на пути тьмы, и началась новая жизнь. В жизни миллионов людей, и не только в ранние столетия, но и теперь, бывают такие встречи: в чтении ли Евангелия, в течение ли богослужения, в момент какого-то самоуглубления, в момент глубочайшего горя или торжествующей радости; или просто в какой-то момент, когда вдруг Господь взыщет одного из нас, откроется - и начинается новая жизнь. Этот ослепляющий момент встречи, конечно, неповторим, но последствия его до конца нашей жизни продолжаются. Бывает порой неприметная ни для кого, даже почти что для самого получающего такую благодать Божию, встреча и в таинствах Церкви: в крещении, в миропомазании, в освящении елеем, в причащении Святых Даров, в таинстве брака, в исповеди; случаются моменты, когда вдруг разрывается пелена и на мгновение мы видим бесконечные дали вечности и бесконечную ее красоту, и каким-то образом, незримо, но постижимо, мы "видим" Бога»⁸.

«Радость» К. С. Льюиса – это черта между атеизмом и верой. Как только человек переступает эту черту, он становится неофитом. С этого момента начинается духовный рост.

⁸ Антоний (Блум), митр. Человек перед Богом. М., 2000. С. 124

В трудах Льюиса часто затрагивается тема встречи с Богом. Выделим несколько из таких мест.

«Хроники Нарнии» - это книга таких «встреч». Дети попадают в чудесную страну и обретают вечного друга, льва Аслана. Эта встреча меняет их жизнь и их самих.

В «Племяннике Чародея», первой повести «Хроник», Дигори становится свидетелем создания Нарнии, которое осуществлялось песней Аслана: «Чей-то голос начал петь, так далеко, что Дигори даже не мог разобрать, откуда он доносится. Порою казалось, что он струится со всех сторон. Порою Дигори мерещилось, что голос исходит из земли у них под ногами. Самые низкие ноты этого голоса были так глубоки, что их могла бы вызвать сама земля. Слов не было. Даже мелодии почти не было. Но Дигори никогда не слышал таких несравненных звуков. Они пришлись по душе и лошади: Земляничка так радостно заржала, словно после долгих лет в упряжи кэба она вернулась на старый луг, где играла еще жеребенком, и словно кто-то, кого она помнила и любила, шел к ней через луг с куском сахара в руке»⁹.

Дигори никогда не слышал таких «несравненных звуков». Он никогда не сталкивался с чем-то подобным там, в обыденной жизни англичан. Никогда он не слышал такого чудесного неземного пения, а лошадь Земляничка почувствовала нечто родственное, словно встретила с тем, кого так сильно любила. Такое бывает и в жизни человека, когда он впервые слышит «глас Божий»

В этой же повести мы находим описание того блаженства, той радости, которая бывает при встрече человека со Христом, на примере Дигори и Полли, девочки, которая тоже оказалась в Нарнии: «Покуда лев говорил, дети глядели ему прямо в лицо, и вдруг — ни Полли, ни Дигори так и не поняли, как это случилось, — оно превратилось в сияющее золотое море, в которое они погрузились, окруженные любовью и могучей силой, и они почувствовали такое блаженство, словно никогда до этого не знали ни

⁹ Льюис К. С. Хроники Нарнии. М., 2005. С. 52

счастья, ни мудрости, ни доброты, ни вообще жизни и пробуждения. Память об этом мгновении навсегда остались с ними, и до конца своих дней в минуты грусти, страха или гнева они вспоминали это золотое блаженство, и казалось, что оно и сейчас недалеко, чуть ли не за углом, — и душу их наполняла спокойная уверенность¹⁰.

Опишем это на языке аскетики. Блаженный Диадок говорит об этой «могучей силе» и «блаженстве» так: «Если душа неколеблущимся и немечтательным движением воспламенится к любви Божией, будучи вся преисполнена приятными чувствами от неизреченной оной Божественной сладости, она и не может в ту пору помышлять ни о чем другом, а только чувствует себя обрадованною неистощимою некою радостью¹¹.

В повести «Лев, Колдунья и Платяной Шкаф» есть очень важный момент, который показывает глубину понимания К. С. Льюисом той минуты, когда человек встречается со Христом, слышит Его Имя: «И тут случилась странная вещь. Ребята столько же знали об Аслане, сколько вы, но как только бобр произнес эту фразу, каждого из них охватило особенное чувство. Быть может, с вами бывало такое во сне: кто-то произносит слова, которые вам непонятны, но вы чувствуете, что в словах заключен огромный смысл; «ной раз они кажутся страшными, и сон превращается в кошмар, иной — невыразимо прекрасными, настолько прекрасными, что вы помните этот сон всю жизнь и мечтаете вновь когда-нибудь увидеть его. Вот так произошло и сейчас. При имени Аслана каждый из ребят почувствовал, что у него что-то дрогнуло внутри. Эдмунда охватил необъяснимый страх. Питер ощутил в себе необычайную смелость и готовность встретить любую опасность. Сьюзен почудилось, что в воздухе разлилось благоухание, и раздалась чудесная музыка. А у Люси возникло такое чувство, какое бывает, когда просыпаешься утром и вспоминаешь, что сегодня — первый день каникул»¹².

¹⁰ Льюис К. С. Хроники Нарнии. М., 2005. С. 89

¹¹ Добротолюбие для мирян. М., 1999. С. 76

¹² Льюис К. С. Хроники Нарнии. М., 2005. С. 103

Важно то, что Льюис показывает различность ощущения «призывающей благодати». Действительно, каждый по-разному приходит к вере: для кого-то это «благоухание и чудесная музыка», а для кого-то «страх». Все зависит от самого человека, от его сущности. Господь настагает своей благодатью душу, проливает Свою любовь в сердце человеческое, но как воспримет это сам человек, зависит от его сущности. Эдмунд стал соучастником дьявольской козни Королевы, и поэтому затмившаяся грехом душа не смогла воспринять благодать Божью как акт радостный. Ее постиг страх.

В этом одна из ценностей «Хроник Нарнии». Здесь нет иллюзий, которыми так часто наполняют понимание духовной жизни.

Важно еще то, что радость встречи с Богом, раскрывается К. С. Льюисом не как самостоятельный акт человека, а как действие Божие. Само название его автобиографического произведения «Настигнут Радостью», говорит о его понимании призвания Божьего. Проще сказать словами блаженного Августина: «Мы не могли начать искать Его, если бы Он прежде не нашел нас»¹³.

Эта радость всегда подкрепляет человека, начиная с того момента, когда он становится неопитом. Об этом с иронией говорит Баламут в «Письмах Баламута»: «Люди должны быть едины с Ним, не утратив своей личности. Ни пренебрежение людьми, ни порабощение их Его не устраивает. Он готов чуть-чуть подстегнуть новообращенных. Он иногда приободрит их, давая ощутить Свое присутствие, пусть слабо и тускло, но с них и того хватает. Он оживляет их благодатной радостью и легкой победой над искушением»¹⁴.

Человек, настигнутый радостью, обретает Нечто, и жизнь его меняется в корне, меняется и сам человек. Пока он неопит у него своеобразное понимание духовной жизни. В этом его преимущество, потому что, как сказал Аслан в «Плавании утреннего путника»: «Познакомившись со мной здесь, там вы сможете еще лучше узнать меня»¹⁵.

¹³ Августин, блж. Исповедь, СПб., 2002. С. 137

¹⁴ Льюис К. С. Письма Баламута. М., 2003. С. 37

¹⁵ Льюис К. С. Хроники Нарнии. М., 2005. С. 537